

УЮТНЫЙ
РОМАН

Вера Колодчикова

Я вас люблю —
терпите!

РОМАН

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
А. Старикова

Колочкова, Вера.

К61 Я вас люблю — терпите! : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-106158-6

Каким только техникам любви не учат в наше время! А искусству любить своих детей — нет... Катя Русанова и ее сестра Милка испытали «нежность» матери на собственной шкуре. Мама-монстр, мама-танк, мама-чиновник железной рукой руководила жизнью семьи. Все выдержала. Все снесла на своих сильных плечах. Но вот перед обвинением, что никого из родных она не любит, сломалась. Да разве может не любить она, только что с размахом сыгравшая свадьбу старшей дочери и удачно пристроившая на работу младшую, бывшую студентку?! Да дети и муж ей руки должны целовать! А они обвиняют...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-106158-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Надо же — опять этот ненавистный сон. И ладно, если бы страшилка привиделась, куда ни шло. Страшилка — это нормально, там образы всякие есть, яркие, сочные, их с пользой для себя можно расшифровать. А безобразие, что она видит, и сном не назовешь. Это скорее отдельное состояние организма, не имеющее специального определения. Не сон, не дремота, не забытие, а вялые бессюжетные танцы обнаглевших комплексов. Днем их не замечаешь, а ночью они тут как тут. И фон у этого состояния тревожно-серый. Зато в движении. Огромная такая серая тень формируется, то ближе подходит, то вдруг отдаляется, а потом раз! — и начинают выплывать из тени лица, как самостоятельные персонажи, — то мамино сердитое, с поджатыми губами, то Сонькино слегка презрительное, то лицо очередного несостоявшегося работодателя промелькнет. И она среди

ВЕРА КОЛОЧКОВА

этих лиц — неприкаянно отстраненная. Всем улыбается виновато, пытается что-то объяснить... Страстно пытается, всякие нужные слова подбирает. А они никак не подбираются. Лица-персонажи смотрят, ждут, а она лишь мычит да машет руками, пытаюсь отбиться от вязкой воспаленной тревоги, которая змеей выползает из подсознания и сжимает в кольцо плечи, шею, ползет холодом по позвоночнику. И хочется крикнуть что-нибудь веское, значительное, вроде того: изыди, проклятая тревога, не виноватая я! Не надо так явно себя демонстрировать, я и без того знаю, что ты есть! Мало того, я даже знаю, как с тобою бороться. По крайней мере, теоретически знаю. Но не могу, не могу...

— Кать... Катька! Да проснись ты, господи!

Катя открыла глаза, и Сонькино лицо представало перед ней вживую — встревоженное, слегка припухшее, с размазанной под глазами тушью. Вовсе не презрительное, как привидевшееся сонное лицо-персонаж. И впрямь, с чего это оно должно быть презрительным? Иль таки в самом деле презирает ее подруга Сонька? Тайно, подсознательно? А что, зря же не приснится...

— Катьк, ты так мычала во сне! Прямо это, болезненно...

— Мычала?

Я вас люблю — терпите!

— Ну да... А еще стонала и хныкала. Ужас, как жалостливо. Я решила разбудить тебя на всякий случай. Что, кошмар приснился?

— Ага, кошмар... — садясь на постели, хрипло произнесла Катя, откидывая назад спутавшиеся пряди волос.

— А что тебе снилось?

— Да ты знаешь, ничего особенного... В смысле, ничего страшного. Так, фигня какая-то.

— А почему ты хныкала, стонала и мычала?

— Не знаю... Сонь, а ты правда не сердишься, что я у тебя на халяву живу?

— Да иди ты знаешь куда!

Сонька яростно запахнула на своей точеной фигурке халатик-кимоно и решительно отвернулась, демонстрируя наполовину прикрытую шелковой тканью халатика умопомрачительной красоты задницу. Потом, передумав, с яростью развернулась обратно к Кате и с полминуты глядела на нее задумчиво. А наглядевшись, произнесла с нарочитыми нотками убийственного ханжества в голосе:

— Тебя что, серьезно вопрос халявы мучает? Хочешь об этом поговорить?

Девушки расхохотались так слаженно, в такой унисон, будто кто невидимый им отмашку дал. Вот за это Катя и любила Соньку — за ее способность любую проблему превращать

ВЕРА КОЛОЧКОВА

в хохму. Ни в чем не терпела Сонька натужной серьезности, характер у нее был такой. Все семинары на их факультете под названием «психология менеджмента персонала» превращались в балаган, стоило преподавателю подняться с места Соньку. Хотя на семинарах с хохмами не особенно разбежишься. Учебный процесс все-таки, святое дело. Да и экзамен потом сдавать все равно придется. Зато на практических занятиях по проведению тренингов Сонька позволяла себе от души повеселиться! Изгалялась как могла, низводя «святое дело» к фарсу и тем самым всячески демонстрируя презрение к предмету. А заодно и к науке психологии как таковой. Ну, может, не совсем к науке, а к ее преподаванию в их дорогом (в прямом смысле этого слова) учебном заведении, которое, по мнению Соньки, было очень уж нелегально сомнительным и действующим по принципу «плати много — учись легко». Даже к результату своего четырехгодичного платного обучения, то есть к синенькой корочке диплома, Сонька отнеслась пренебрежительно — в строке «специальность» после слова «психолог» приписала через запятую карандашиком «...мать твою». А на законный Катин вопрос — зачем тогда училась? — ответила серьезно и односложно: жизнь длинная, пригодится.

Я вас люблю — терпите!

Один бог знает, как они сумели сойтись в дружбе — порядочная серьезная девушка Катя Русанова и легкомысленная побрякушка Сонька Белоус. На примере их дружбы, наверное, можно целую диссертацию написать о проблемах и странностях коммуникативных составляющих в социуме. И сделать выводы. Что, к примеру, Кате Русановой дала собственная серьезность и порядочность? Да ничего! Училась она в отличие от побрякушки Соньки достаточно прилежно, а толку? Все равно работу как новоявленный дипломированный специалист-психолог по менеджменту персонала до сих пор не нашла. Где ж ее найдешь, эту работу? Можно подумать, работодатели в очередь стоят, чтобы умный специалист пришел и их персонал по всем статьям отмотивировал и отмодулировал заодно. Но все равно искать надо. Только жить негде. Из общежития-то ее после окончания учебы, естественно, выпихнули. Можно было, конечно, домой, в родной захолустный городок вернуться, но такой вариант Катя для себя даже не рассматривала. Вернее, рассматривала, но как самый последний, практически неприемлемый. Во-первых, там-то она уж точно по приобретенной в платных муках специальности никогда не устроится. А во-вторых, домой — это же значит под крыло к маме... Нет, нет,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

только не это! Лучше уж так, на халяву у Соньки. А к маме — упаси бог...

А вот Соньке ее легкомыслие принесло довольно ощутимые жизненные плоды. По крайней мере, последние лет пять точно приносит. Видимо, так уж звезды сошлись над ее девчачьей судьбой, начавшей свое течение в маленьком приморском поселке, куда занесло на отдых большого чиновника из их северного областного города. Какие-то грязи были особенные лечебные в санатории при Сонькином поселке, что ли, которые ему жизненно стали необходимы... В общем, случилось так, что чиновник прикипел к малолетней тогда еще Соньке всем сердцем, организмом и кошельком. Так прикипел, что с собой привез. Снял квартиру, обеспечил неплохое содержание, честно выучил Соньку на их дорогом факультете «психологии менеджмента». В общем, хороший оказался папик. Добропорядочный. Даже обещал квартиру купить.

Сонька этой привязанностью очень дорожила. И в непрезентабельное понятие «содержанка» вкладывала свой, особенный, уважительный смысл, суть которого сводилась к одному — просто повезло. Другим не повезло, а ей повезло! И никто и никогда не сумел бы убедить ее в обратном. А если бы попытался, то Сонька быстренько бы отправила того убеждающего в дале-

Я вас люблю — терпите!

кое путешествие. Нет, не в пошло-эротическое, отнюдь. В другое. В тот самый приморский городок, где в служебной однокомнатной квартирке при санатории ютилась ее семья — мать, бабка и двое младших братьев. И где из всех возможных перспектив работы и зарплаты ждала ее одна-единственная перспектива — место какой-нибудь санитарки в их захудалом санатории с теми самыми лечебными грязями, которые когда-то так удачно приманили папика. Хотя, может, вскорости и такой перспективы уже бы не оказалось. Мать недавно звонила — жаловалась, закрывают санаторий. А ее грозятся из служебной квартиры выселить. То есть обвиняком намекала — не пора ли тебе, доченька, и с нами поделиться халявным своим «содержанием»?

Надо сказать, что свое «содержание» Сонька отрабатывала классически честно, в некотором смысле даже истово. Блюла свое тело в красоте и ухоженности, ловко и быстро умудрялась во время визита благодетеля создать «атмосферу», то есть насобачилась, как хамелеон, подпадать под все его настроения. Хочешь игривости — пожалуйста. Хочешь выговориться — я вся во внимании. Хочешь «по-быстроу» — даже за унижение не приму. Вот она я, вся здесь и вся ваша, дорогой папик. Зато, мол, никаких неясностей меж нами нет, все до предела прозрач-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

но. Улыбка для тебя — самая что ни на есть искренняя, взгляд — влюбленный, восторженный и благодарный. Иногда ей даже казалось, что она и в самом деле его немного любит...

Неизвестно, по какой такой причине, но Сонькин благодетель никогда не сваливался с визитом как снег на голову. Может, просто не ревнив был. Деликатно звонил на мобильный — Софочка, дорогая, я буду примерно через часик. Эта его деликатность и позволила «дорогой Софочке» тайно приютить на оплачиваемой благодетелем жилплощади несчастную подругу-однокашницу. То бишь ее, Катю Русанову. А что? Целый час фоты — этого вполне достаточно, чтобы убрать с территории «содержания» все признаки посторонней личности и самой посторонней личности вовремя смыться. Делов-то. Правда, здесь были свои неловкие для бедной Кати нюансы. Потому что хорошо, когда папик навещался к любовнице днем. Или вечером. А если, допустим, ближе к ночи? А бывало, и на всю ночь оставался? Тут уж ничего не попишешь — пожалте, уважаемая посторонняя личность Катя Русанова, на вокзал. И это еще благо, что он недалеко. Сидите и ждите, когда подруга Софочка отмашку даст — территория освободилась. Вот и эту половину ночи ей пришлось провести на вокзале. Только в пять утра удалось завалиться на поло-

Я вас люблю — терпите!

вину широкой двуспальной кровати, которая еще и остыть от благодетеля не успела.

— Соньк... А который час? — потянувшись, спросила Катя и, откинув от себя одеяло, спустила ноги на пол.

— А я знаю? Сама только-только от твоего мычания проснулась. О! — тут же округлила Сонька глаза, глянув на циферблат стильных часов, оставленных на прикроватной тумбочке, — представляешь, уже два часа! Классно мы дрыхнули!

— Как — два? Ты что? У меня же на два собеседование было назначено! — всполошилась Катя, по-бабьи хлопнув себя по бедрам.

— Да ладно, собеседование у нее... Все равно толку от этих собеседований никакого. Ходишь, ходишь как заведенная...

— Сонь, а что мне еще делать? Я ж не виновата, что никто меня не берет. Живу и живу тут у тебя, на хлебах...

— Ой, Катька, не начинай!

— Нет, и впрямь, Соньк... Что делать-то?

— Что делать? Не знаю я, что делать. Давай для начала умоемся и кофе испьем. И съедем чего-нибудь. Я вчера Алику мясо готовила, там осталось, по-моему.

— А что, у Алика аппетит пропал?

— Ладно, не хаи.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да я не хамлю... Слушай, а он у тебя кто вообще?

— В смысле? — подняла удивленно бровь Сонька, насмешливо глянув на Катю.

— Да в смысле имени. Алик — это Александр, да? А может, Алексей?

— А я знаю? Сказал — Алик, значит, Алик. Мне его паспортные данные ни к чему.

— И что, за все эти годы тебе ни разу не захотелось узнать...

— Да бог с тобой, родная. На фига мне, сама подумай.

— Но как же... Неужели тебе не интересно?

— И что мне должно быть интересно?

— Ну, например, женат ли он...

— Ха! А ты сама-то как думаешь? Женат, конечно. И семью свою никогда, между прочим, со мной не обсуждает. Он мужик порядочный.

— А дети у него есть?

— Есть. Трое. И вроде как четвертый на подходе.

— А ты откуда знаешь, если он с тобой ничего такого не обсуждает?

— Да я и не знаю. Догадываюсь просто. Слишком уж часто навеваться ко мне стал. Жену бережет. Говорю же — порядочный...

— А о чем вы с ним вообще разговариваете? Или вообще не разговариваете? Пришел, молча мяса поел и сразу в койку?

Я вас люблю — терпите!

— Ну почему... Он любит иногда посидеть, пофилософствовать... Или про свои министерские интриги порассказать. Ты знаешь, мне иногда кажется, я весь аппарат его министерства наперечет знаю — кто дурак, кто умный, кто сильно блатной... Между прочим, он обещал меня к себе на работу пристроить! А что? Диплом у меня теперь есть, дорога для карьерного роста открыта!

— Ух ты, здорово...

— А то! Здорово, конечно. — кивнула деловито Сонька и вдруг, прищурившись, пристально посмотрела на Катю. — Слушай, а чего это ты вдруг моей интимной жизнью заинтересовалась? Тоже хочешь в содержанки податься? Завидно, да?

— Нет, нет, что ты...

Катя так испуганно замахала на Соньку руками, будто перспектива пойти на содержание и впрямь должна была открыться перед ней незамедлительно. Не укрылся этот откровенный испуг и от Соньки. Обиженно сузив глаза, она совсем было собралась выпалить всю правду о своем отношении к Алику и своей при нем роли, да в последний момент передумала. Ухмыльнувшись, окинула подругу быстрым пристальным взглядом, цокнула языком и произнесла медленно, даже с некоторым удовольствием: